

Узнаем всю правду

Россия и Германия переписывают историю. Вместе

В издательстве «Ольденбург» выходит очередной том «Сообщений совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений». Его темами стали культура памяти о Второй мировой войне в двух странах и движение эмигрантских потоков между Россией и Германией в XX в. Люди постарше помнят: когда менялось руководство в стране, переписывались школьные учебники истории. Особенно сильно менялись главы о Великой Отечественной войне. История - не математика, здесь одни и те же факты можно интерпретировать по-разному. По другую сторону «железного занавеса» тоже не сидели сложа руки и интерпретировали. И выходило так, что одной из той же войны было как минимум две, если не все четыре - по количеству главных участников. В одной всё решила Курская дуга, в другой - английские бомбардировки, в третьей - американские поставки по ленд-лизу.

Людская память - не очень надежный противовес официальной идеологии, потому как избирательна: где приукрасит, а где недоговорит. Судя по книгам и фильмам, немцам в основном запомнилось, как им досталось от бесцеремонных русских в плену и во время марша победителей по Германии. Русские же об этом предпочитали не помнить, как и о своих заградительных отрядах и еще много о чем, но зато они могли долго рассказывать о «степени сердечности» агрессоров.

Восстановление исторически правдивой картины - процесс трудоемкий. В его основе поиск подлинных свидетельств: открываются засекреченные ранее документы, публикуется огромное количество мемуарной литературы. При этом вылезает правда, которая нередко режет глаз. На что уже последовала знакомая нам с детства реакция - попытка просто закрыть эти самые глаза. В прошлом году российское правительство высказалось против пересмотра итогов Великой Отечественной войны и пригрозило законодательно запретить вольную интерпретацию событий «в ущерб интересам России». После таких заявлений историкам искать правду в одиночку опасно - могут и засудить. Вот тут еще раз порадуешься возможности заниматься научной работой при свидетелях.

Сотрудничество в области изучения истории было счастливой идеей, предпосылки для которой созрели только к концу прошлого века. В 1997 г. по инициативе правительств России и Германии была создана независимая комиссия историков, в которую вошли руководители государственных и военных архивов, а также ведущие ученые обеих стран. Комиссия ежегодно собирается на пленарные заседания, в программу ее работы включены научные конференции. Прочитанные на заседаниях доклады и становятся потом содержанием выпусков «Сообщений». Новый, четвертый том этой серии содержит материалы двух коллоквиумов, состоявшихся в 2005 г. в Саратове и в 2006 г. в Мюнхене, а также заседания, посвященного немецкой летной школе в Липецке. Все сообщения опубликованы на немецком и русском языках. Финансируется проект из средств Федерального министерства внутренних дел Германии. Редакторами сборника выступили сопредседатели комиссии: директор берлинско-мюнхенского Института современной истории Хорст Мёллер и директор Института всеобщей истории РАН Александр Чубарьян. Чем же примечателен новый том этой серии? Саратовский форум был посвящен двум темам, связанным со Второй мировой войной: проблемам ее научного изучения и культуре памяти в Германии и России.

О том, чем богаты германские и российские архивы, рассказали ведущие архивариусы двух стран. Если российский явно поскромничал, назвав задачу трудновыполнимой, и ограничился классификацией того, что хранится в архивах страны, то немецкий очень обстоятельно перечислил достояние расположенного во Фрайбурге Военного федерального архива Германии по каждому роду войск и живописал драматические судьбы многих документов. Одни были уничтожены самими владельцами при наступлении противника, как это произошло с большей частью архивов люфтваффе. Другие «взяты в плен» и «угнаны» - вывезены в США, Великобританию и Россию. Возвращение «скитальцев» на родину растянулось на десятилетия и до сих пор закончено не полностью, особенно из восточно-европейских стран. Германской стороной была высказана надежда, что в скором будущем остатки архивных фондов Второй мировой войны, застрявшие в Подольске и Праге, будут открыты хотя бы для научной работы.

Разговор об историографии тоже не обошелся без углов. К примеру, Алексей Филитов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, вызвался ответить на часто задаваемый неудобный вопрос, не наблюдается ли в России тенденция к установлению государственной монополии на трактовку некоторых исторических событий. Ответ был дипломатичным: «В этом отношении российская историография Великой Отечественной войны представляет собой картину сложную, но не дающую основания для чрезмерного пессимизма и в общем отражающую общемировые тенденции». Отмечая во многом сближение мнений у западных и русских историков после падения «железного занавеса», Филитов оставляет за Россией право на патриотическое воспитание своих граждан. «Здесь главное заключается в том, чтобы не подменять государственный подход ведомственным, а научный поиск - поиском сенсаций». Правда, он не объяснил, как следует отличать подход государства от подхода известного ведомства, если они управляются из одного кабинета.

Как только разговор покидает идеологическое поле, отголоски былых противоречий исчезают, начинается доверительный и конструктивный обмен мнениями. Например, о том, как совместить поиск правды с бережным отношением к людской памяти и к особенностям самоидентификации народа. Российским ученым трудно критиковать ошибки государственного и военного руководства сталинской России, потому что это часто воспринимается старшим поколением как оскорбление памяти павших. В Германии большим вопросом на протяжении всей послевоенной истории было отношение к 8 мая 1945 г. Трагическая парадоксальность конца войны, по словам Теодора Хойса, первого президента Федеративной Республики Германия, заключалась в том, что немцы «одновременно спасены и уничтожены». Еще в 1965 г. политический Бонн демонстративно отсутствовал на приеме, устроенном советским послом по случаю Дня Победы. И лишь постепенно, благодаря «покаянию сверху» (вспомним коленопреклонение Вилли Брандта перед памятником павшим участникам восстания в Варшавском гетто, речь федерального президента Рихарда фон Вайцеккера 8 мая 1985 г. на собрании Бундестага, посвященном памяти жертв войны), вектор общественного сознания сдвигался в сторону «спасены».

Мюнхенский форум 2006 г. затрагивал менее травмирующие вопросы - на нем обсуждались эмигрантские течения между двумя странами. Из разных докладов можно сложить вполне логичную цепочку. После революции меньшевиков приютила Германия, их взгляды оказали влияние на формирование немецкого социал-демократического движения. Через десять лет социализм в Германии прирастет определением «национальный», меньшевики двинутся дальше на Запад, а верные убеждения немцев коммунисты будут искать спасения от коричневой чумы в России. Однако из политического огня, ставшего следствием умышленного поджога Рейхстага, они попадут, как говорится, в поля. Избежав смерти от гитлеровского режима, многие беженцы нашли ее как раз в пункте мнимого спасения - в Москве, которую они считали колыбелью своей политической веры. В номерах московского отеля «Люкс», приютившего немецких политических эмигрантов, злое стук в дверь во времена партийных чисток раздавался еще чаще, чем во многих других домах. Можно снова и снова удивляться тому, каким роковым образом всё взаимосвязано в истории Германии и России.

Некоторые сообщения коллоквиума знакомят нас с судьбами конкретных эмигрантов. Рассказы зачастую содержат незначительные в масштабах истории бытовые детали, но они-то как раз и позволяют разглядеть в потоках беженцев живых людей и тем самым уберечь аналитиков от тенденциозности и мифологизации. Этому же служат и вставленные в доклады отрывки из

опубликованных воспоминаний - живые голоса непосредственных участников событий. Вообще материалы обеих конференций показывают, что историческая наука, в течение десятилетий подчинявшаяся идеологической конфронтации Запада и Востока, ориентированная на державный официоз, на наших глазах разворачивается лицом к факту, к повседневной детали и начинает видеть за ними живого человека. Эту тенденцию заметил и озвучил Александр Борозняк в своем докладе об историографии Сталинградского сражения, посетовав только, что наука часто уступает литературе. Конечно, писателям такого уровня, как Василий Гроссман и Генрих Бёльль, «человеческое измерение» позволило совершить величайшие художественные обобщения еще 60 лет назад, но не будем забывать, что у литературы и науки разные задачи и разные инструменты для их решения.

История России и Германии в XX в. сплетена так крепко, что без тесного взаимодействия сторон нельзя воссоздать объективную картину событий и тем более выявить их глубинный смысл. Уж эту комиссию никто не сможет обвинить в фальсификации прошлого.

«Европа-Экспресс»
21 Июня 2010, номер 26 (642)